

18+

Марин Пољ
*Пепел стамбульских
роз*

Там, где плачет Босфор

Марин Поль

**Пепел стамбульских роз.
Там, где плачет Босфор**

«Издательские решения»

Поль М.

Пепел стамбульских роз. Там, где плачет Босфор / М. Поль —
«Издательские решения»,

Брак по любви принес Алисе лишь издевательства в чужой семье. Но когда из комы восстает ее тайный отец — могущественный «Железный лев», — мир заговорщиков сгорает дотла. Чтобы спасти Алису, Алекс Поль начинает смертельную игру против Вильха и братьев Демир. Обречена ли эта прекрасная, но израненная история превратиться в пепел стамбульских роз? Или на черных углях прошлых ошибок все же сможет расцвести новая, прощенная и вечная любовь?

© Поль М.

© Издательские решения

Содержание

Пепел стамбульских роз	8
П Это название — «Пепел стамбульской розы» — тонкой золотой нитью пролегло сквозь всю дальнейшую судьбу Алисы, став идеальным отражением её перерождения	8
Глава 1. Чужой дом	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Пепел стамбульских роз Там, где плачет Босфор

Марин Польш

Оформление обложки Марина Полиц

Иллюстратор Марина Полиц

© Марин Польш, 2026

© Марина Полиц, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-3544-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Над Босфором стелится туман
Волны красят вечер в берюзу
На ладонях высохший обман

Я сквозь память пронесу
Ветер уносит дым
Наш Стамбул стал чужим
Там где плачет Босфор
Смолк ночной разговор
Пепел стамбульских роз
Пепел стамбульских роз
Смыло прибоем слёз
Пепел стамбульских роз
Пепел стамбульских роз
В сердце остыла кровь
Пепел стамбульских роз.

Пепел стамбульских роз

П Это название — «Пепел стамбульской розы» — тонкой золотой нитью пролегло сквозь всю дальнейшую судьбу Алисы, став идеальным отражением её перерождения

Глава 1. Чужой дом

Я потеряла себя. То ли в раю, где я пребывала так недолго, то ли в аду, в котором прожила все тридцать пять лет. Я блуждала в каком-то лабиринте, впрочем, тогда это было не важно. Мой райский сад был похож на облако, по которому я ходила босой и не боялась посмотреть вниз. Но упасть мне все-таки пришлось — и гораздо быстрее, чем думалось.

Он — мой герой, мой муж. «За ним я буду как за каменной стеной», — думала я перед свадьбой, но позже эта стена рухнула вместе с моими ожиданиями. Наша свадьба была не на

широкую ногу, но вполне в пределах возможностей родителей. Я верила, что семейная жизнь сложится удачнее, чем у моих старших подруг, но этой удачи хватило лишь до порога дома, куда я вошла невесткой.

Я сразу же ощутила холод, который буквально обжег меня, и счастливая улыбка сама собой стерлась с лица. Со мной такого еще не бывало: я оказалась под прицелом у своей новоиспеченной родни, и каждый мой шаг рассматривался будто под лупой.

— Ну что, Алёшенька, привел-таки в дом казанскую сироту? — раздался резкий, скрипучий голос золовки прямо в прихожей.

Наталья, скрестив руки на груди, стояла у зеркала и демонстративно разглядывала мои скромные туфли.

— Что-то чемоданчик у твоей Алисы легковат, — добавила она, шагнув

ближе и толкнув мой затертый багаж носком туфли. — Приданого, видать, только то, что на ней надето. Гляди, брат, как бы боком не вышла тебе эта благотворительность. С лица воду не пить, а голый зад из общаги еще никого до добра не доводил.

— Наташа, прекрати, — тихо, но поспешно ответил Алекс.

Он упорно не глядел мне в глаза, суетливо продвигая меня глубже по темному, пахнущему старыми коврами коридору и стараясь поскорее перехватить у меня из рук тяжелую дорожную сумку.

— Мама где? Отец дома? — спросил он, пытаясь перебить змеиное шипение сестры.

— На кухне мама. Стол накрывает ради такого случая, пироги вон печет, продукты переводит, — Наталья мазнула по мне высокомерным, оценивающим взглядом и громко

цокнула каблуками по паркету, уходя в комнату. — Ты бы хоть юбку ей подлиннее купил, Алёш, а то колени светятся. У нас в поселке в таких фасонах только девки определенного толка ходят. Из общаги же, привыкла, небось, коленями сверкать?

Первая брачная ночь стала для меня пыткой. Я, конечно же, слышала, что это болезненный процесс, но чтобы настолько... Утром, когда все собрались за праздничным столом, мне было не до веселья. Было больно даже сидеть, но я терпела, чтобы не показать гостям свой дискомфорт. Колкий взгляд золовки буквально пожирал меня, отчего становилось не по себе, но я выстояла этот день.

— Что-то ты, Алисонька, бледная какая-то, — с фальшивой заботой протянула Наталья за обедом, передавая мне тарелку с нарезкой и в

упор разглядывая мое осунувшееся лицо. — И сидишь как-то боком, словно на иголках. Неужто наш посёлок тебе так не мил, что аж перекосило с первого дня? Или Алёшка ночью слишком усердствовал, а, братец? Рассказал бы, как там городские девчонки, податливые?

Я вспыхнула до корней волос, чувствуя, как краска заливает шею, и едва не выронив тяжелую вилку. Алексей резко и громко кашлянул, поспешно уставившись в свою тарелку и делая вид, что увлечен едой.

— Всё хорошо, Наталья, — едва шевеля губами, ответила я, чувствуя, как к горлу подступает удушливый ком. — Просто устала после дороги и предсвадебных хлопот. Голова немного кружится.

Свекор тяжело, со стуком опустил ладонь на деревянный стол, отчего

звякнули рюмки и задрожали салатницы.

— Привыкнет! — отрезал он, зыркнув на дочь. — С Алексом моим кривляться и капризничать не надо, будь простой, послушной бабой, делай, что муж велит, и всё у вас сложится. А ты, Наташка, язык свой прикуси, не твоего ума дело в чужую постель заглядывать. Ешь давай.

Пришел вечер, и мы легли спать в комнате, которую на первое время нам выделили родители Алекса. Я не знала, как повернуться, чтобы не обидеть мужа, ведь еще одной пытки близостью мне было просто не выдержать. Все тело ломило от усталости, а внизу живота все еще горело тупой, режущей огненной болью. Но оттолкнуть его я так и не решилась, да и сказать что-то вслух не смела, зная, что за тонкой стеной

находятся родители, которые ложились поздно и чутко прислушивались к каждому шороху в доме.

Алексей повернулся ко мне, обдав горячим запахом хмеля и мужского пота. Его тяжелая, шершавая рука без лишних слов и прелюдий легла мне на бедро, бесцеремонно задирая легкую ночную сорочку вверх.

— Алёша, пожалуйста, не надо... умоляю тебя, — прошептала я в темноту, пытаюсь перехватить его жесткое запястье. Мой голос сорвался на липкий плач. — Мне очень больно после вчерашнего. Все горит внутри, правда. Давай не сегодня, прошу...

— Потерпишь, жена теперь, положено так, — хрипло выдохнул он мне прямо в губы, наваливаясь всем телом и глуша мой слабый протест жестким, требовательным и властным поцелуем.

Ему не нужны были мои отказы, ему

вообще не нужны были слова. Его пальцы больно, до синяков впились в мои бедра, разводя их в стороны. Я зажмурилась до цветных пятен в глазах, когда он резко, безжалостно и глубоко вошел в меня, заставляя задохнуться от новой вспышки острой, режущей боли. Стиснув зубы до хруста и до крови закусив собственную нижнюю губу, я замерла под ним неподвижным манекеном, позволяя ему ритмично, жадно и шумно наслаждаться вторым разом. Каждое его движение отзывалось во мне глухими, болезненными ударами, а пружины старой железной кровати предательски, громко поскрипывали в такт его толчкам, заставляя меня буквально умирать от жгучего стыда.

— М-м-м, хороша... — тихо пробормотал он, сильнее прижимая меня к матрасу.

Когда все закончилось, он тяжело

рухнул рядом на подушку, отвернулся к стене и мгновенно заснул, захрапев. Он оставил меня лежать в темноте, задыхающуюся в липких, горьких слезах обиды и бессилия.

На третий день боль постепенно ушла. Я почувствовала приятные ощущения и испытала свой первый оргазм. Алексей в эту ночь действовал совсем иначе — медленнее, осторожнее. Его руки ласкали мою грудь с непривычным трепетом, а горячие губы обжигали шею и плечи, заставляя тело расслабиться.

— Ну как, всё еще больно? — тихо спросил он, приподнимаясь надо мной в полумраке и вглядываясь в мои глаза. — Скажи мне.

— Нет... уже лучше, — едва слышно выдохнула я, чувствуя, как по телу разливается истома.

Когда его пальцы скользнули между

моих бедер, я внезапно для самой себя подалась навстречу его ласке, тихо охнув. Внутри закружилось и разлилось густое, томительное и пульсирующее тепло. Когда он вошел в меня снова, это уже не была пытка — волна дикого, первобытного и мощного наслаждения накрыла меня с головой. Это неведомое доселе, поистине звездное чувство было незабываемо, тело вибрировало от сладостной судороги, но дать волю стонам я по-прежнему не могла.

Стыдно, ох как же мне было стыдно за то, что происродило в спальне! Я до крови кусала край подушки, до боли сжимала простыню пальцами, чтобы сдержать рвущийся наружу крик экстаза.

— Алёш... потише, услышат... — умоляла я между прерывистыми вдохами.

— Пускай слушают, ты моя жена, — жарко прошептал он, ускоряя темп.

Казалось, будто за нами наблюдают сквозь щели в дверях всей этой огромной родней и это обязательно станет темой для утреннего сурового осуждения. В то время нас воспитывали так, что стыдным казалось абсолютно всё, что связано с телом и страстью.

Глупая, наивная девочка, я соскочила рано утром, едва рассвело, чтобы поскорее скрыть следы своего «бесстыдства». Мне было неловко обнаружить перед чужими людьми интимную жизнь, казалось позором запачкать простыню в доме свекров. На белой ткани отчетливо виднелись бурые капли моей девичьей крови вперемешку с отметинами нашей ночной страсти. Я судорожно содрала белье с кровати, спрятала его на самое

дно таза и просто ждала часа, когда свекры уйдут на работу, чтобы тайком всё застирать. Это теперь, с возрастом, я понимаю: нужно было быть гордой, не прятать доказательства девичьей чести и открыто показать простыню родне — тогда, возможно, и вся моя жизнь сложилась бы иначе.

Но мою чистоту всё равно растоптали, клеймо на меня нацепили заранее. До замужества я жила в общегитии, а там хватало испорченных девиц. В глазах местных кумушек сработала жестокая «истина»: паршивая овца всё стадо портит. Вот и меня заочно смешали с остальными. Слухи о том, что я якобы вышла замуж далеко не девственницей, ходили по посёлку огромными волнами. Люди не думали о последствиях грязных сплетен и разносили их всё дальше. И даже сейчас, став взрослой женщиной, мне

до сих пор больно об этом вспоминать.

— Слышь, Алексей, — как-то вечером за чаем, когда я возилась у раковины, отмывая жирные кастрюли, громко заговорила Наталья, совершенно не стесняясь моего присутствия. Она лениво ковыряла ложечкой в варенье и смотрела прямо на мою спину. — Вчера баба Валя из третьего дома сказывала, что твоя-то в общаге городской три года кантовалась. А там, сам знаешь, какие порядки. К ним парни через окна пачками лазили, шторы только мелькали. Ты бы проверил, братец, всё ли там чисто было до тебя. А то, видать, опытная девка-то, приткая слишком для тихушницы. Нам в роду потаскухи не нужны.

Я замерла у раковины, чувствуя, как мыльная вода стекает с задрожавших рук, а сердце начинает бешено

колотиться в груди.

— Наташа, замолчи! — огрызнулся Алексей, но в его голосе я услышала не защиту, а липкую, трусливую неуверенность.

Он бросил на меня быстрый, тяжелый и подозрительный взгляд, словно действительно пытался разглядеть на мне невидимые следы прошлых мужчин.

— Хватит сплетни собирать по углам и баб слушать, — буркнул он, уткнувшись в кружку.

— А я не собираю, я брата родного убересть хочу! — выкрикнула Наталья, подавшись вперед и стукнув ложкой по столу. — Чтобы дураком на весь поселок не ходил! Девственницы из городских общаг не выходят, запомни это, дуралей! Уж я-то знаю, как такие невинность на словах симулировать умеют, глаза в пол опустят и святош из себя строят! А сами...

— Да что ты знаешь?! — не выдержала я, резко повернувшись к ней с мокрыми руками. Слезы обиды брызнули из глаз. — Как ты можете такое говорить обо мне? Я слова плохого никому не сделала! Я чиста перед Алексом!

— Ишь, заголосила, кошка городская! — ухмыльнулась Наталья, победоносно глядя на брата. — Видал, как зашипела? Знает кошка, чье мясо съела! Чего кричишь, если святая?

Но тогда казалось, что меня намеренно подвергают уничтожению. Скажете — не бывает дыма без огня? Меня просто причесали под одну гребенку с теми, кто разжег тот неведомый мне огонь, в котором я теперь обжигалась.

День за днем всё шло своим чередом, а золовка проявляла ко мне всё больше презрения. «Это странно, пора бы ей уже свою семью завести —

возможно, тогда она не была бы так категорична к моей персоне», — думала я про себя. В её двадцать четыре года её уже считали перестарком, а мне было всего девятнадцать, и в этом крылась вся причина. Обычная женская ревность давала о себе знать каждый день, и я решила поговорить со своим Алёшей.

— Алёша, мы не можем здесь больше оставаться, ни одного дня, — тихо плакала я ночью, уткнувшись ему в плечо после очередной тяжелой близости. — Твоя сестра меня заживо ест, по кускам разрывает. Каждый день упреки, каждый день намеки грязные, скоро в лицо плевать начнет при родителях. Я задыхаюсь в этом доме, мне дышать здесь нечем, понимаешь ты это или нет?

— Аля, ну куда мы сорвемся, ну не выдумывай? — раздраженно вздохнул

он, переворачиваясь на бок и закидывая руку за голову, подальше от моих слез. — Здесь родители под боком, здесь у меня работа верная на заводе, батя еле устроил по знакомству. Куда я поеду? Наташка просто характер такой имеет, дурной, девчонка еще. Перебесится, замуж выйдет — уедет из дома, и полегчает.

— Не выйдет она никуда и не перебесится! Она сидеть тут будет и соки из меня пить! — я прижалась к нему всем телом, обвивая ногами и пытаясь своей горячей кожей растопить его холодную рациональность. — Алёша, давай уедем на север, в Сибирь, на дальние комсомольские стройки. Там новые города поднимают, там квартиры молодым специалистам и семейным парам сразу дают, без очередей десятилетних. Давай попробуем сами,

вдвоем, с нуля! Чтобы только ты и я, без её змеиного взгляда за спиной в нашей кухне! Пожалуйста, Лёш... Я сделаю всё, что ты захочешь, только увези меня отсюда.

Мои губы отыскали его шею, руки скользнули вниз по его животу, разжигая в нем ответную, грубую страсть. Он тяжело задыхался, резко перехватывая мою инициативу и подминая меня под себя.

— Ладно... черт с тобой, — прохрипел он, впиваясь в мои губы. — Уедем. Но если там будет хреново — пеняй на себя, Аля.

К счастью, он и сам втайне видел неправоту своей диковатой сестры, да и постоянные кухонные разборки женщин ему изрядно надоели, ломая его мужской авторитет, поэтому он согласился вырваться и уехать из родного дома.

Сибирь... От одного этого слова мне становилось грустно. В краях, откуда я родом, солнца порой было даже избыточно, а для сибиряков такая жара оказалась бы невыносимой. Ровно так же, как и мне был невыносим их жесткий, суровый климат, к которому я совершенно не привыкла. Но я была искренне рада возможности жить отдельно от родственников — ко мне наконец-то вернулось ощущение свободы и подлинного счастья.

Вскоре я забеременела. Когда пришло время появиться на свет нашему первенцу, меня положили в родильное отделение. Врачи осмотрели меня и ввели какие-то медикаменты — норма это была или нет, мне знать не давалось. Я просто легла на выделенную кровать и уснула под мерный, убаюкивающий стук дождя за

окном. Время от времени сквозь сон накатывали резкие, скручивающие в бараний рог схватки, но я упорно пыталась снова заглушить их сном. Так, ворочаясь с бока на бок и до крови кусая губы, я дождалась утра.

Роды оказались тяжелыми. Как сказали мне потом медики, это была уже чистая патология, но откуда девятнадцатилетней глупой девочке было знать, нормально ли то, что с ней происходит?

И вот наступило утро — мое первое утро в роли матери. Меня разбудил громкий,рывающийся тишину плач десятков младенцев за стеной палаты. Через минуту дверь с грохотом открылась, и я увидела акушерку и медсестру, которые стремительно приближались к моей кровати. В ожидании своего маленького чуда я смотрела на акушерку, как преданная собачка на хозяина, ловя каждое

движение. Нет, я не боялась, я просто совершенно не понимала, что происходит вокруг, да еще и эта моя вечная, глупая стеснительность... Вот уж не задача: надо же было так «повезти», что именно на мои роды привели четверых студентов-практикантов! Они стояли у дверей, вытянувшись в струнку, и с нездоровым любопытством глазели на мое обнаженное, взмокшее от пота и истмученное тело. Но делать было нечего, стыд отступил перед болью.

— Ну, чего же ты разлеглась, давай сильнее тужься! — закричала на меня акушерка, сердито поправляя сползающую маску и грубо хватая меня за разведенные колени. — Спишь на ходу, девка! Ребёнку там уже дышать нечем, задушишь парня в утробе, а она тужиться нормально не может! Нука, ребятки, держите её за

плечи, кому говорю, зафиксируйте!

Студенты-практиканты испуганно переглянулись, двое парней неловко подскочили к столу и мертвой хваткой прижали мои плечи к жесткой клеенке родильного стола.

— Доктор, мне больно... я больше не могу... я сейчас умру, помогите! — прохрипела я, теряя сознание от дикого, разрывающего пополам тело спазма.

— Нет, надо что-то делать, сама не разродится! — крикнула акушерка врачу, стоявшему чуть поодаль.

И со всей силы, с размаху она надавила мне на верхнюю часть живота своим коленом, буквально навалившись на меня всем своим массивным весом.

Из моих глаз брызнули крупные слезы, остатки воздуха с хрипом вырвались из груди, сознание на секунду

полностью погасло, утянув в черноту. В ту же секунду в палате раздался тихий, едва слышный, булькающий всхлип.

— Мальчик! Ну, ты видишь, мамаша? Чего глаза закрыла? — тяжело дыша и вытирая рукавом пот со лба, бросила акушерка, поднимая ребенка за ножки.

Я напряженно ждала, когда мой малыш закричит в полную силу, громко, как те за стеной, но он молчал. Я лишь видела сквозь пелену слез, как вокруг маленького тельца мгновенно столпились люди, замелькали бледные медицинские халаты, кто-то зашептал.

— Что с ним? — попыталась крикнуть я, но из пересохшего горла вылетел лишь слабый сип. — Что же с моим главным мальчиком? Почему он не кричит? Покажите мне его!

— Лежи тихо, рожай плаценту, — оборвала меня медсестра.

Дверь палаты снова быстро

открылась, завернутого в пеленку ребенка стремительно унесли в коридор, и я больше ничего не успела рассмотреть через спины практикантов.

Часа через два меня наконец перевели этажом выше, в общую палату, где уже находились счастливые, уставшие мамочки. Вечерний обход доктора огорчил меня до слез.

— Доктор, а мне... мне почему не приносят малыша на кормление? — робко спросила я пожилого врача, заглядывая ему в глаза, когда он подошел к моей койке. — Всех вон уже кормят, палату заполонили, а у меня кроватка рядом пустая стоит.

— Ваш ребенок пока будет находиться у нас в детском отделении, под круглосуточным наблюдением, — сухо и безучастно ответил он, даже не глядя на меня и быстро делая пометку в

своем журнале. — Состояние тяжелое, была серьезная асфиксия в родах, ребенок наглотался околоплодных вод. Проводим терапию. Возможно, утром вы уже сможете его покормить, если динамика улучшится. Не паникуйте раньше времени, мамочка, спите.

Но наступило долгожданное утро, а сына мне опять не принесли. Я снова и снова, со слезами на глазах умоляла дежурных медсестер разрешить мне хотя бы одним глазком, через стекло увидеть своего мальчика, но получала один и тот же холодный, заученный ответ: «Не положено, женщина. Доктор на обходе зайдет — всё скажет, не мешайте работать». Так продолжалось долгие, мучительные пять дней, пока не пришло время моей официальной выписки.

Своего малютку я увидела лишь тогда, когда его из роддома спецтранспортом перевели в окружную детскую

клиническую больницу. Меня положили вместе с ним в закрытый бокс. Мой маленький комочек, мой цветочек... Как же я его ждала, как считала секунды до возможности прикоснуться к его крошечной, синеватой щечке своими губами! Этот нежный, едва уловимый молочный запах новорожденного — я просто не могла им надышаться, сидела над его стеклянной кроваткой сутками, забыв про еду и сон. Сердце обливалось кровью оттого, что его крошечные ручки были все истыканы иглками капельниц, а я ничем не могла ему помочь. Мне ничего не оставалось, кроме как истово, до потемнения в глазах молиться перед маленькой бумажной иконкой, спрятанной под подушкой.

На следующий день моего малыша снова унесли на процедуры. Я только

слышала, как он надрывно, изводя себя от боли, кричал из процедурного кабинета в самом конце длинного коридора, и этот крик, словно ржавые железные копыя, вонзался прямо в мое тело, выворачивая душу наизнанку. Это было физически невыносимо. Три дня подряд его куда-то уносили, запирали перед моим носом двери, и я не знала толком ни зачем это делают, ни какие сильные лекарства ему вводят в эти маленькие венки. Вдали от всех родных, одинокая, измученная и истерзанная страшными мыслями, я лишь молила Бога о пощаде.

Когда Алёша пришел навестить нас в короткие приемные часы, у меня случилась настоящая, безумная истерика. Слезы градом покатались по моим щекам, я мертвой хваткой вцепилась в рукав его тяжелой куртки прямо в холодном, пропахшем хлоркой

коридоре больницы, не обращая внимания на проходящих людей.

— Алексей, я не вынесу этого, слышь ты меня или нет?! — плакала я мужу, переходя на задушенный крик. — Я больше не в силах здесь оставаться и видеть, как моему малютке каждый божий день причиняют эту страшную боль! Эта боль убивает меня, я с ума сойду в этих стенах, я чувствую! Они ничего не объясняют, суки эти в халатах, только колют его и колют! Заберут в процедурную, закроются на ключ, а он кричит там так, что у меня внутри все живое разрывается! Ты хочешь, чтобы мы сбежали из клиники? Прямо сейчас, тайком, пока пересменка? Но если...?!

— Аля, да замолчи ты, тихо! На нас люди смотрят, врачи сейчас услышат — выгонят меня к чертям! — зашипел Алекс, испуганно оглядываясь по

сторонам и пытался силой разжать мои побелевшие пальцы на своем рукаве. — Что значит «сбежали»? С ума сошла, дура баба? Врачи ведь лечат, им виднее, у них образование, больница государственная! Хочешь ребенка калекой оставить?

— Нет, никаких «если» и никаких врачей! — перебила я его, захлебываясь слезами и трясясь всем телом от подступившего безумия. — Я так решила! Не спрашивай меня ни о чем и не говори, что я не права, ты ничего не понимаешь! Я делаю это ради нашего малыша, я чувствую его сердцем, ему тут плохо! Иначе случится так, что я потеряю его — точно так же, как потеряла своего Андрюшку наша соседка Танечка в поселке! Ей просто залечили мальчонку в точно такой же больнице, закололи антибиотиками до смерти, просто залечили! Я не хочу, не

хочу хоронить своего первенца, Лёша...! Либо мы забираем его и уходим сейчас вместе через подвал, либо я сама прямо сейчас выброшусь из окна этого четвертого этажа вместе с ним на руках! Выбирай!

Алекс оцепенел, его лицо вытянулось. Он посмотрел на мое безумное, серое, перекошенное от дикого горя лицо, на расширенные, невидящие зрачки и, кажется, не на шутку испугался за мой рассудок. Он понял, что я не шучу.

— Милая, тихо, тихо... Только не ори, умоляю. Я всё понимаю, — покорно согласился муж, быстро обнимая меня за дрожащие плечи и прижимая к себе, чтобы утихомирить. — Ладно. Мы сделаем так, как ты считаешь нужным. Не плачь, слышишь? Собирай вещи потихоньку, заверни его. Я пойду найду машину на улице, договорюсь с частником за углом. Жди меня у

черного хода через десять минут.

Я спешно, дрожащими руками покидала в сумку нехитрые вещи, судорожно укутала спящего Пашеньку в три теплых одеяла, спрятала сверток под полы своего широкого зимнего пальто и мы тайком, крадучись мимо кастелянши через неохраняемый черный ход прачечной, отправились домой.

Но первая же ночь дома выдалась беспокойной, мгновенно превратившись в сущий ад для нас двоих. Мне было безумно, до судорог в позвоночнике страшно: мой Пашенька плакал непрерывно, не умолкая ни на минуту, его лихорадило, крошечное лицо стало багрово-красным, а я в полной панике металась из угла в угол съемной квартиры, прижимая к груди своего малютку и совершенно не зная, чем сбить этот растущий жар. В те страшные минуты я честно, с

леденящим ужасом призналась самой себе, что совершила глупую, роковую ошибку, сбежав из больницы и поддавшись минутному порыву безумия.

— Алексей, господи, что нам делать?! — кричала я в темноте холодной комнаты, рыдая над разрывающимся от плача младенцем. — У него температура под сорок, он синее, задыхается, вообще не успокаивается! Зачем, зачем я его забрала оттуда?! Я убийца, я своими руками погубила своего долгожданного сына! Сделай что-нибудь, Лёша!

— Я сейчас побегу к автомату на перекресток, вызову скорую, Аля, держи его крепче, сиди с ним, не шевелись! — испуганно крикнул муж, натягивая брюки в темноте и с грохотом спотыкаясь о расставленные стулья. — Только бы успеть...

Но сами небеса послали мне спасение в ту страшную, ледяную ночь. В дверь дома неожиданно, громко и требовательно постучали — это приехали обеспокоенные медики из клиники вместе с дежурным нарядом милиции, быстро обнаружившие побег опасной пациентки с больным ребенком. Они не ругались и не кричали, прекрасно понимая мое послеродовое состояние. Пожилой врач лишь горько покачал головой, быстро осмотрел хрипящего ребенка и командовал медсестре: «Срочно литическую смесь, и в машину обоих». Нас молча и быстро забрали обратно на дежурной «скорой». И вот, буквально через полчаса, мы снова оказались в той же самой палате, откуда так отчаянно, эгоистично и глупо бежали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.